

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья

УДК 347.1

DOI 10.33184/pravgos-2026.1.22

АРХИЕРЕЕВ Николай Викторович

Арбитражный суд Республики Башкортостан;
Уфимский университет науки и технологий,

Уфа, Россия,

nick.mr@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5471-8195>

Original article

ARKHIEREEV Nikolay Viktorovich

Arbitration Court of the Republic
of Bashkortostan; Ufa University

of Science and Technology,

Ufa, Russia

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДАННЫХ, СГЕНЕРИРОВАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

LEGAL REGIME OF AI-GENERATED DATA

Аннотация. Распространение систем искусственного интеллекта приводит к формированию значительных массивов данных, создаваемых алгоритмическими системами автономно или с минимальным участием человека. Такие данные активно используются в экономическом обороте, однако действующее правовое регулирование не содержит ясного ответа на вопрос об их правовой природе, принадлежности и режиме использования. Отсутствие специального правового режима приводит к неопределенности в распределении прав между участниками цифровых отношений и создает риск правового вакуума, особенно в условиях трансграничного оборота данных. Цель – выявить правовую природу данных, генерируемых системами искусственного интеллекта, и обосновать возможность выделения самостоятельной правовой категории «производные данные». Для достижения указанной цели использован комплекс научных методов: формально-юридический применен при анализе норм российского и зарубежного законодательства, регулирующих оборот данных, интеллектуальную собственность, коммерческую тайну и персональные данные; сравнительно-правовой – для сопоставления подходов различных правовых систем к регулированию результатов алгоритмической генерации данных; доктринального анализа – для систематизации существующих научных подходов к определению правового статуса данных; системно-правовой использован при формировании модели правового режима производных данных и определении их места в системе объектов гражданских прав. Результаты: обоснована необходимость выделе-

Abstract. The spread of AI systems generates substantial datasets, created autonomously by algorithms or with minimal human input. These datasets are actively used in economic transactions; however, current legal regulations do not provide a clear answer regarding their legal nature, ownership, and usage regime. The absence of a specific legal regime leads to uncertainty in the distribution of rights among participants in digital relations and creates a risk of a legal vacuum, especially in the context of cross-border data flows. The purpose is to identify the legal nature of data generated by AI systems and to justify the possibility of establishing an independent legal category of “derivative data”. To achieve the stated purpose, a set of scientific methods is employed: The formal-legal method is applied to analyze the norms of Russian and foreign legislation regulating data turnover, intellectual property, trade secrets, and personal data. The comparative-legal method is used to compare the approaches of different legal systems to regulating the results of algorithmic data generation. Doctrinal analysis is employed to systematize existing scientific approaches to defining the legal status of data. The system-legal method is utilized in forming a model for the legal regime of derivative data and determining their place within the system of civil law objects. Results: The article substantiates the necessity of distinguishing the category of “derivative data” as an independent object of legal regulation, arising from the functioning of AI systems. A conceptual model for the legal regime of such data is proposed, which includes the possibility of

ния категории «производные данные» как самостоятельного объекта правового регулирования, возникающего в результате функционирования систем искусственного интеллекта; предложена концептуальная модель правового режима таких данных, предусматривающая возможность их имущественного оборота, лицензионного использования и трансграничной передачи; показано, что правовой режим производных данных должен учитывать баланс интересов разработчиков и пользователей систем искусственного интеллекта, а также соотноситься с существующими правовыми режимами персональных данных, коммерческой тайны и интеллектуальной собственности; сделан вывод о необходимости комплексного регулирования, способного обеспечить правовую определенность и устойчивость оборота данных, генерируемых системами искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинно-сгенерированные данные, производные данные, правовой режим данных, имущественные права, трансграничный оборот данных, интеллектуальная собственность, коммерческая тайна, персональные данные

Для цитирования: Архиреев Н.В. Правовой режим данных, сгенерированных искусственным интеллектом / Н.В. Архиреев. – DOI 10.33184/pravgos-2026.1.22 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 215–225.

their commercial turnover, licensed use, and cross-border transfer. The article demonstrates that the legal regime of derivative data must consider the balance of interests between developers and users of AI systems, and also correlate with existing legal regimes for personal data, trade secrets, and intellectual property. The article concludes that there is a need for comprehensive regulation capable of ensuring legal certainty and stability in the turnover of data generated by AI systems.

Keywords: artificial intelligence (AI), machine-generated data, derived data, legal data regime, property rights, cross-border data turnover, intellectual property, trade secrets, personal data

For citation: Arkhireev N.V. Legal Regime of AI-Generated Data. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 215–225. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.1.22.

ВВЕДЕНИЕ

Как справедливо отмечает Н.Ю. Филатова-Билоус, «в современном мире данные (включая персональные данные, неличностные данные, массивы данных и т. д.) имеют значительную экономическую ценность и часто становятся объектами или платежом в различных контрактах» [1, с. 63]. Поэтому важно определить правовую природу данных и прав на них как на теоретическом, так и на законодательном уровне.

Развитие технологий искусственного интеллекта радикально трансформирует современный информационный оборот, формируя качественно новый тип объектов – машинно-сгенерированные данные (далее также МСД или данные, сгенерированные искусственным интеллектом). Они создаются алгоритмами автоматически или при минимальном участии человека и уже сегодня играют ключевую роль в цифровой экономике, включая

промышленность, финансы, медицину и государственное управление. Причем ценность машинно-сгенерированных данных, потенциал их использования постоянно растут [2].

Объем данных, которые формируются искусственным интеллектом и автоматизированными системами, увеличивается, что предопределяет необходимость выработки адекватных правовых механизмов их регулирования.

В российском законодательстве отсутствует четко закрепленный правовой статус машинно-сгенерированных данных. Это создает правовой вакуум и препятствует их полноценному обороту. Аналогичные проблемы есть и в международной практике: отсутствуют унифицированные подходы к определению прав на данные, созданные искусственным интеллектом, а существующие режимы – персональных данных, коммерческой тайны или объектов интеллектуальной собственности – лишь частично охватывают возникающие отношения.

В такой ситуации компании зачастую прописывают условия доступа и использования данных, сгенерированных искусственным интеллектом, в лицензиях и соглашениях. Такие соглашения обычно предусматривают, что поступающие и выходящие данные принадлежат одной из сторон (например, провайдер оставляет за собой право на эксплуатацию результатов, а пользователь обязан сохранять конфиденциальность). На практике эти нормы работают «в обход» недостатков законодательства: дается договорное указание, кто и как может использовать данные, таким образом, спорные вопросы решаются через общие формулы о передаче информации и конфиденциальности.

Актуальность данного исследования обусловлена не только экономической значимостью машинно-сгенерированных данных, но и их стратегической ролью в национальной цифровой инфраструктуре, а также возрастающими рисками утечки информации, недобросовестного использования и трансграничных конфликтов.

Следует отметить, что в настоящее время существует значительное количество научных исследований, предметом которых являются информация и базы данных, выступающие материалом для обучения искусственного интеллекта, то есть входная информация. В них поднимаются вопросы понятия массивов данных, рассматриваются их место в системе объектов гражданских прав, сложности оборота, а также способы защиты. В большинстве публикаций, касающихся данных, созданных искусственным интеллектом, речь идет о «творческих» результатах и «изобретениях» искусственного интеллекта, которые рассматриваются авторами через призму авторского и патентного права. В данной статье мы предприняли попытку расширить горизонт исследования машинно-сгенерированных данных.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И КЛАССИФИКАЦИЯ ДАННЫХ, СГЕНЕРИРОВАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Машинно-сгенерированные данные – это информация, создаваемая автоматическими алгоритмами (нейросетями, генетическими

алгоритмами, экспертными системами и т. п.) без участия человека или с минимальным его участием (например, посредством задания исходных параметров). Такие данные сами по себе могут быть ценными (экспериментальные симуляции, финансовые прогнозы, модели поведения и др.) и представлять самостоятельный объект гражданского оборота. Однако в российском и международном законодательстве нет специальных норм, определяющих юридический статус полностью автоматических результатов.

С точки зрения авторского права, поскольку в машинно-сгенерированных данных нет творческого вклада человека, они не подпадают под охрану авторским правом. Так, согласно ст. 1228 ГК РФ автором произведения является физическое лицо, творческим трудом которого это произведение создано, а согласно п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются.

Аналогичный подход применяется и в других странах, о чем свидетельствуют некоторые судебные прецеденты. Например, по делу *Thaler v. Perlmutter* американский федеральный суд постановил, что авторство может быть признано только за человеком, автономно созданное искусственным интеллектом изображение авторским правом не защищается. Обращает на себя внимание, то обстоятельство, что согласно материалам данного судебного дела доктор Стивен Талер создал генеративный искусственный интеллект, который, в свою очередь, создал картину. То есть человек создал инструмент для создания творческих произведений, но этот довод был отклонен как Бюро США по авторским правам, так и судами.

Европейский суд в деле *Inforaq v. DDF* (*Danske Dagblades Forening*) отметил, что в соответствии со ст. 1(3) Директивы 91/250, ст. 3(1) Директивы 96/9 и ст. 6 Директивы 2006/116 такие произведения, как компьютерные программы, базы данных или фотографии, защищены авторским правом, если являются оригинальными в том смысле, что представляют собой интеллектуальное творение их автора.

В 2019 г. Международная ассоциация по охране интеллектуальной собственности (International Association for the protection of IP, AIPPI) приняла резолюцию «Авторское право на искусственно созданные произведения», в которой отмечено, что произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта, должны подпадать под защиту авторского права только в случае участия человека в их создании и при соблюдении других условий защиты.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация может являться объектом гражданских правоотношений, свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому лицу, если федеральными законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения. Исходя из толкования данной нормы, информация, в том числе машинные данные, если на них не распространяется режим коммерческой или государственной тайны, не имеет ни автора, ни собственника и может использоваться свободно кем угодно.

Таким образом, машинно-сгенерированные данные обладают самостоятельной экономической и научной ценностью (например, прогнозы спроса или научные модели), но не подпадают под традиционные нормы о собственности или авторских правах.

Как отмечает Ю.С. Харитоновна, возможно, что на результаты, созданные автономным искусственным интеллектом, как на обладающие ценностью и участвующие в обороте могут быть установлены иные субъективные права [3, с. 64]. При этом потребности введения субъективного права на результат деятельности искусственного интеллекта не предполагают наличие связи с авторским правом [4].

Е.Н. Абрамова и Е.В. Хамидуллина видят иной способ решения рассматриваемой проблемы. Они предлагают распространить на результаты деятельности нейросети наиболее подходящий из существующих правовых режимов (например, режим смежных прав, служебных произведений или иной). По их мнению, допущение такого исключения, в соответствии с которым исключительное право на результат интеллектуальной деятельно-

сти, созданный с использованием искусственного интеллекта, первоначально возникает у пользователя устройства на базе нейронной сети, который его использовал специально для создания такого объекта интеллектуальной деятельности, является целесообразным, поскольку позволит установить не только субъекта-правообладателя, но и субъекта, который должен нести ответственность перед третьими лицами при нарушении их прав, в том числе авторских прав [5].

Данное решение на первый взгляд выглядит привлекательным, но не снимает вопроса о статусе разработчика программы, собственнике устройства, на котором получены МСД, собственнике исходных данных, а также вопросов защиты их прав и привлечения к ответственности.

Е.П. Сесицкий считает, что результаты, созданные системами искусственного интеллекта, необходимо включить в перечень объектов гражданских прав как «приравненные к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности» с признанием в отношении них исключительных прав без предоставления кому-либо права авторства и других личных неимущественных прав на них. Первоначальным обладателем исключительных прав на результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта, следует определить собственника системы искусственного интеллекта либо ее арендатора (в случае предоставления системы во временное пользование) на момент создания результата, рассматривая в этих целях систему искусственного интеллекта в качестве сложной вещи в смысле ст. 134 ГК РФ [6, с. 17].

В.О. Калятин проанализировал несколько моделей закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом (разработчик искусственного интеллекта, организатор генерации, пользователь искусственного интеллекта, сам искусственный интеллект, соавторство человека и искусственного интеллекта, фиктивное авторство), и пришел к выводу, что наиболее перспективным является вариант с закреплением права на результат, созданный искусственным интеллектом, за организатором соответствующего процесса. Эти права должны быть более ограниченными, чем традиционные исключительные права автора, при обеспечении интеле-

ресов авторов-людей [7]. Однако возникает вопрос об объеме прав организатора генерации.

Анализируя проблемы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи искусственного интеллекта, В.В. Махров полагает правильным закрепление исключительных прав за создателем искусственного интеллекта [8]. С этим мнением мы вынуждены не согласиться, поскольку разработчик искусственного интеллекта создает лишь инструмент, а результаты его работы зачастую достигаются за счет иных лиц, пусть и с минимальным участием (постановка задачи, в ряде случаев – ввод исходных данных, настройка программы, выбор результата из множества сгенерированных).

Вызывает интерес исследование Е.Е. Кирсановой. Изучив основные теории определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом, она полагает логичным подход, согласно которому автор доказывает, что произведение создано в результате его труда, при этом понятие творческой деятельности следует трактовать шире, нежели фактическое выполнение действий по созданию произведения силами самого автора. Этот подход в современных реалиях действительно удобен, но возникают вопросы критериев и определения объема вклада человека в результат, полученный искусственным интеллектом. При этом заслуживает поддержки мнение данного автора, что отказ от предоставления правовой защиты результатам генерации искусственного интеллекта противоречит принципам права [9].

По мнению Б.А. Шахназарова, изобретениям, созданным искусственным интеллектом, необходимо обеспечивать патентную охрану, если они удовлетворяют критериям охраноспособности, установленным в той или иной стране, что, в свою очередь, позволит повысить интенсивность инновационной деятельности в обществе. Однако в этом случае, как считает автор, проблема сводится преимущественно к личным неимущественным правам, определению изобретателя, автора результата интеллектуальной деятельности [10].

В.С. Витко достаточно категоричен, поскольку утверждает, что результаты деятельности машинного интеллекта не могут быть квалифицированы в качестве объектов автор-

ского права и не подлежат охране правом интеллектуальной собственности [11]. Как видим, это мнение разделяют не все.

Герберд Цех пишет, что всякий раз, когда информация служит определенной цели и может быть передана, ее также можно рассматривать как товар [12, с. 194]. Это значит, у нее может или должен быть собственник или законный владелец. Следовательно, определение лица, имеющего право распоряжаться МСД и нести ответственность, имеет принципиальное значение для права.

Отдельно следует обратить внимание на достоверность МСД. Как правильно указывают А.В. Минбалеев и О.Б. Петровская, «одним из ключевых критериев развития информационного общества в ходе его цифровой трансформации должно стать обеспечение достоверности при цифровом обороте данных» [13, с. 26]. В условиях отсутствия ответственного лица ни о какой достоверности МСД говорить не приходится, следовательно, их использование без верификации будет иметь существенные риски наступления самых негативных последствий, что нивелирует их ценность.

Как отмечает А. Джаннопулу, машинно-сгенерированные данные обладают двумя уникальными особенностями, которые следует учитывать перед внедрением любой нормативной базы: во-первых, они состоят из данных, которые не производятся непосредственно людьми и как таковые автоматически не подпадают под логику и условия, применимые к результатам, созданным людьми; во-вторых, этот тип данных преимущественно находится в руках частных компаний, которые предоставляют их на договорной основе, имея возможность ограничивать доступ к ним в рыночных целях [14].

Таким образом, можно говорить еще об одной правовой проблеме МСД – доступа к ним, в том числе в общественном интересе. Если МСД не имеют ни автора, ни собственника, то и доступ к ним должен быть неограниченным, что звучит достаточно спорно, поскольку для создания МСД в любом случае тратятся различного рода ресурсы. Ну а если МСД – это товар, то он и затраты на его создание и дальнейшие операции подлежат учету, налогообложению и т. д., что порождает целый пласт смежных вопросов [15].

В то же время, как верно утверждают А.А. Коваль, О.С. Магомедова и А.Д. Левашенко, повышение открытости данных сопряжено с рисками нарушения прав, связанных с соответствующей информацией. Это значит, что расширение доступа к данным со специальными режимами защиты ограничено правовыми гарантиями сохранения соответствующего режима [16, с. 78–79]. Поэтому с учетом наличия разных подходов для их оборота и защиты необходимо выработать отдельную правовую категорию.

На наш взгляд, это может быть категория «производные данные» – данные, созданные техническими средствами без творческого участия человека, но обладающие экономической ценностью и способные участвовать в гражданском обороте. Однако в отсутствие четкого правового статуса оборот этих данных остается неурегулированным, а несанкционированное копирование и коммерческое применение результатов генерации не образует деликт, что создает как экономические, так и правовые риски для их владельцев.

Для выработки адекватного правового режима необходимо различать типы данных, сгенерированных искусственным интеллектом, по характерным признакам:

1) по степени участия человека:

– полностью автономные данные – формируются искусственным интеллектом без предопределяющего вмешательства человека (например, симуляционные результаты, созданные по заранее заданной модели, или генерируемые финансовые прогнозы);

– полуавтономные данные – итог зависит от настройки искусственного интеллекта человеком (выбор данных для обучения, начальные параметры модели), но сами выводы формируются автоматически (например, результаты рекомендательных систем при учете заданных бизнес-правил);

2) по правовому режиму доступа:

– персональные данные – если в сгенерированных данных содержатся сведения, позволяющие идентифицировать физическое лицо, они подпадают под действие Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Этот закон определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно

определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). В таком случае дополнительно применяются ограничения по обработке, хранению и трансграничной передаче;

– обезличенные данные – когда информации в данных недостаточно для прямой идентификации, но существует риск реидентификации (например, при обобщении разрозненных сведений). Такие данные требуют особого отношения, возможно применение принципов дифференциальной конфиденциальности и иных методов анонимизации, чтобы исключить нарушение частной жизни;

– агрегированные и статистические данные – собранные и обобщенные массивы информации (например, усредненные показатели или выводы аналитики), где исходные единичные данные не раскрываются. Эти данные представляют ценность для научных и коммерческих исследований и обычно обращаются по свободным или специализированным лицензиям (Open Data);

– условно открытые данные – сгенерированные наборы данных, которые могут быть использованы третьими лицами на определенных условиях (например, в научных целях или в рамках, подпадающих под лицензионное соглашение проектов). При этом их распространение контролируется через лицензии (по аналогии с open-source моделями) или через иные договорные конструкции;

3) по коммерческой ценности и режиму защиты:

– данные как коммерческая тайна – если машинный результат обладает реальной коммерческой ценностью и не является общедоступным, он может быть признан служебной или коммерческой тайной (ноу-хау) в порядке ст. 1465 ГК РФ и Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». К таким сведениям применяются строгие меры охраны: доступ к ним может быть ограничен, а нарушители несут гражданско-правовую ответственность;

– открытые данные (Open Data) – информация, предоставляемая без ограничений (например, сублицензиями данных от властей или открытых проектов). Для них существуют минимальные правовые барьеры, но они не столь ценны именно из-за свободного доступа;

– данные как интеллектуальная собственность – к особым случаям можно отнести результаты работы искусственного интеллекта, в которых хотя бы теоретически присутствует авторский элемент (например, сгенерированная модель или база данных с уникальной структурой). Для простых алгоритмических данных самостоятельной интеллектуальной охраны нет, любые права на них следует обосновывать через смежные институты (лицензии, соглашения о предоставлении сервисов и т. п.).

Эта классификация носит предварительный характер и призвана упорядочить разрозненный информационный массив. Каждый тип данных предполагает свои нюансы оборота и защиты, которые следует учитывать при разработке законодательства.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ

Европейский союз. В Евросоюзе действует строгая защита персональных данных (Общий регламент Европейского союза по защите данных – GDPR). При наличии в МСД сведений о лице их обработка должна соответствовать требованиям регламента. Однако GDPR сам по себе не создает права собственности на данные и не ограничивает свободу использования обезличенных сведений. За последние годы в Евросоюзе принято несколько документов, затрагивающих неличные данные и их доступ. Так, Закон 2023/2854, вступивший в силу в 2024 г., устанавливает правила доступа и использования неперсональных данных, генерируемых «подключенными продуктами» и службами. Закон гарантирует пользователям «подключенного продукта» своевременный доступ к данным, которые генерируются при его использовании, и право делиться этими данными с третьими лицами. При этом в документе подчеркивается, что он не отменяет GDPR и не создает самостоятельного права на личные данные.

Здесь же стоит упомянуть Закон Евросоюза об искусственном интеллекте, который охватывает высокорисковые системы искусственного интеллекта и устанавливает требования к прозрачности алгоритмов. Хотя он прямо не вводит новый режим для МСД, требует от разработчиков обеспечить надлежащую документацию данных для обучения моделей и возможность объяснения решений системы.

Также следует привести Директиву Евросоюза 96/9/ЕС от 11 марта 1996 г. о правовой защите баз данных, но она не регулирует оборот данных, сгенерированных искусственным интеллектом.

Анализ указанных документов демонстрирует направленность Евросоюза на регулирование именно обмена данными, установление ответственности за использование данных и прозрачность алгоритмов, а не на установление правового статуса информации.

США. В США отсутствует единый федеральный закон об искусственном интеллекте или закон о данных. Персональные данные защищаются в основном секторально (Закон о мобильности и подотчетности медицинского страхования, Закон о защите конфиденциальности детей в интернете и т. д.), отсутствует полноценный аналог GDPR. Что касается МСД и интеллектуальной собственности, то США традиционно требуют человеческого участия для признания авторства на произведение.

Китай. Китайский подход к данным концентрируется на безопасности и государственном контроле. В 2021 г. вступил в силу Закон КНР «О безопасности данных» (DSL), который классифицирует данные по степени важности и направлен на обеспечение их защиты.

В законе понятие «данные» трактуется очень широко («любая информация, записанная в электронном или ином виде», ст. 3), акцент делается на предотвращении угроз национальной безопасности, соблюдении «закона о свободном потоке данных» и содействии цифровой экономике. Согласно ст. 7 DSL государство обязуется «гарантировать правомерное и упорядоченное свободное движение данных» и поощрять их «законное, разумное и эффективное использование». Закон регулирует прежде всего хранение данных внутри страны и их экспорт, устанавливает правила для «важных данных». Что касается искусственного интеллекта, то Китай пока не выделил отдельного режима для МСД, но разработал общие политические документы (например, План развития искусственного интеллекта на новый период 2017 г., План действий по глобальному управлению искусственным интеллектом 2025 г.), а регуляторы призывают компании быть ответственными с данными и соблюдать нормы Закона о защите персо-

нальной информации, вступившего в силу в 2021 г., являющегося аналогом GDPR. В целом китайское право рассматривает данные как стратегический ресурс, защищает их с точки зрения национальной безопасности и допускает более жесткие ограничения на трансграничный обмен данными.

Япония. Япония приняла ряд норм, направленных на стимулирование развития искусственного интеллекта при сохранении контроля. В области данных действует Закон о защите личной информации (APPI), значительно приближенный к GDPR. Он ввел обязательное уведомление о передаче персональных данных за границу, усиленную ответственность за утечку и т. д. Специального законодательства, регулирующего права на данные, в Японии нет. Однако в мае 2025 г. парламент Японии принял Закон о содействии исследованиям и развитию и использованию технологий, связанных с искусственным интеллектом. Этот закон не устанавливает жестких ограничений, а скорее отражает политику страны. Он подчеркивает, что искусственный интеллект является стратегически важной технологией, призывает к прозрачности использования алгоритмов и возлагает на правительство функции координации и рекомендаций (в частности, выявление злоупотреблений и информирование общества). Закон отмечает потенциальные риски искусственного интеллекта, такие как утечка личной информации, нарушения авторских прав и иные ситуации, наносящие ущерб правам и интересам людей. Однако мер ответственности закон не предусматривает. Таким образом, Япония фокусируется на «мягком» регулировании (разумные рекомендации, развитие стандартов) и интеграции искусственного интеллекта в экономику, оставляя ключевые вопросы в рамках действующего законодательства.

Все сказанное свидетельствует о том, что отсутствие единых международных стандартов определяет необходимость разработки унифицированных правил трансграничного обмена машинно-сгенерированными данными.

Отечественный подход. В российском законодательстве нет понятия и статуса машинно-сгенерированных или производных данных как отдельного объекта. Не определено, кому принадлежат имущественные права на такие данные – разработчику алгоритма, владельцу сервера, пользователю системы или

заказчику. Нет правил распределения прав доступа при коммерциализации таких данных. Не урегулированы специальные положения о трансграничной передаче автоматически созданной информации, в отличие от персональных данных. Эта неопределенность создает правовой вакуум, а потому разработка концепции «производных данных» как особой категории представляется актуальной. Она позволит централизованно определить правила их владения и оборота, соотнести их с уже существующими институтами (например, определить, когда производные данные признаются коммерческой тайной или когда к ним применяются нормы закона о персональных данных).

РИСКИ ПРАВОВОГО ВАКУУМА И КОНЦЕПЦИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ДАННЫХ

Отсутствие ясного регулирования машинно-сгенерированных данных влечет несколько серьезных рисков:

- снижение инвестиционной привлекательности. Неопределенность в правах на данные усложняет бизнес-модели стартапов и компаний: инвесторы могут опасаться правовой неопределенности с интеллектуальной собственностью, что снизит приток инвестиций в сектор искусственного интеллекта;

- недобросовестный оборот данных. В отсутствие однозначных правовых рамок легко происходят копирование, повторная публикация и перепродажа МСД без согласия инициатора (например, разработчика алгоритма или заказчика проекта), что способствует противоправной конкуренции и утрате конкурентных преимуществ;

- утечки конфиденциальной информации. Если машинные данные содержат коммерческую или персональную информацию, то неурегулированность может привести к нарушению коммерческой тайны или приватности. В частности, повторная идентификация обезличенных данных и их использование для слежки угрожают правам субъектов. Исследователями было выявлено, что сопоставление искусственным интеллектом большого массива данных приводит к деанонимизации личности человека или организации [17];

- вопросы ответственности за МСД. Автоматически генерируемый контент может нести в себе элементы чужих авторских или патентных прав. Кроме того, МСД могут содер-

жать ошибки, фейки либо быть предвзятыми. Без четкого закрепления не ясно, кто будет нести ответственность за нарушения, допущенные искусственным интеллектом, или за недостоверность производных данных;

– конфликты при трансграничном обмене. Без согласованного международного режима одни страны могут настаивать на локализации и особых разрешениях, а другие – на свободе обращения. Это создает барьеры для международного сотрудничества и обмена данными, затрудняя создание глобальных сервисов на основе искусственного интеллекта;

– ограничение инноваций. Регуляторная неопределенность заставляет компании опасаться экспериментов и внедрения новых моделей искусственного интеллекта, поскольку непонятно, как потом будут защищаться результаты разработки, что замедляет технологический прогресс.

В качестве нивелирования этих рисков предлагается введение правовой категории «производные данные», для которых необходимо установить комплексный режим, сочетающий элементы имущественного, лицензионного и трансграничного регулирования. Основные элементы предлагаемого режима:

– имущественные права. Право собственности или исключительные права на производные данные должны принадлежать лицу, эксплуатирующему систему искусственного интеллекта или владеющему ею (например, заказчику разработки или владельцу платформы). Это закрепит норму, что результат работы машины – экономический актив ее владельца, аналогично наукоемким результатам подряда;

– защита как коммерческая тайна. Пока исключительных прав нет, производные данные могут охраняться по аналогии с ноу-хау – как неформализованные секреты с потенциальной ценностью. В частности, если компания принимает разумные меры конфиденциальности, то данные автоматически становятся коммерческой тайной. Таким образом, несанкционированное раскрытие или копирование данных будет преследоваться по закону;

– лицензионные модели. Необходимо предусмотреть рамки лицензирования доступа к производным данным. Это могут быть как закрытые лицензионные соглашения, так и открытые (Open Data) для научных целей. Законодательство может предусмотреть об-

легченные процедуры регистрации или обращения лицензий на данные, подобно тому как сейчас работают лицензии на программное обеспечение или открытые базы данных;

– специальные правила трансграничного оборота. В свете международной практики предлагается установить правила безопасного экспорта и импорта МСД. Например, можно адаптировать институт оценки безопасности передачи (аналогично Китаю) и установить механизмы взаимного признания стандартов. Это обеспечит контроль за «чувствительными» данными и снизит конфликтность при их международном обмене.

Следует отметить, что в целом перечисленные риски носят интернациональный характер, и без международного сотрудничества, с учетом экстерриториальных проявлений искусственного интеллекта, все негативные последствия нивелировать не получится [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Машинно-сгенерированные данные представляют собой новый виток в информационной экономике, требующий адаптации правовых институтов. Без признания производных данных самостоятельным объектом гражданских прав остается множество правовых неопределенностей. Для поддержки инноваций в области искусственного интеллекта необходимо:

– закрепить на законодательном уровне понятие и правовой режим производных данных;

– определить, кому принадлежат имущественные права (инициатору, владельцу искусственного интеллекта и т. п.), и предусмотреть законные способы их передачи;

– ввести комплексную защиту: сочетание мер коммерческой тайны, интеллектуальных прав и специальных лицензий;

– разработать правила трансграничного оборота, согласованные с международными стандартами (упрощение доступа для исследовательской деятельности и защита национальных интересов);

Такое комплексное регулирование обеспечит баланс интересов бизнеса, общества и государства, что будет стимулировать развитие технологий искусственного интеллекта, определяя и сохраняя при этом права на результаты его деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Filatova-Bilous N. Data as a Tradeable Commodity: Propertization vs. the Concept of Exclusive Rights / N. Filatova-Bilous // *Teisé*. – 2022. – Vol. 124. – P. 55–66. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/363982667_Data_as_a_Tradeable_Commodity_Propertization_vs_the_Concept_of_Exclusive_Rights (дата обращения: 03.08.2025).
2. Peter K.Yu. Fitting Machine-Generated Data into Trade Regulatory Holes / K.Yu. Peter // *The Trade in Knowledge: Economic, Legal and Policy Aspects*. – Cambridge University Press, 2020. – P. 19–28.
3. Харитонов Ю.С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта / Ю.С. Харитонов // *Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет: ежегодник*. Вып. 1 / отв. ред. Е.Г. Афанасьева. – Москва, 2018. – С. 52–64.
4. Харитонов Ю.С. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта / Ю.С. Харитонов // *Современные информационные технологии и право: монография* / отв. ред. Е.Б. Лаутс. – Москва: Статут, 2019. – С. 68–83.
5. Абрамова Е.Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / Е.Н. Абрамова, Е.В. Хамидулина // *Хозяйство и право*. – 2024. – № 10. – С. 71–83.
6. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.П. Сесицкий. – Москва, 2019. – 218 с.
7. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / В.О. Калятин // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 24–50.
8. Махров В.В. Проблемы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных при помощи искусственного интеллекта / В.В. Махров // *Современный юрист*. – 2025. – № 2. – С. 27–39.
9. Кирсанова Е.Е. Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом / Е.Е. Кирсанова // *Закон*. – 2023. – № 9. – С. 36–46.
10. Шахназаров Б.А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта / Б.А. Шахназаров // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – № 9. – С. 63–72.
11. Витко В.С. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта / В.С. Витко // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. – 2019. – № 3. – С. 5–22.
12. Zech H. Information as Property? / H. Zech // *JIPITEC*. – 2015. – Vol. 6, № 3. – P. 192–205.
13. Минбалеев А.В., Петровская О.В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации / А.В. Минбалеев, О.В. Петровская // *Российский юридический журнал*. – 2022. – № 4. – С. 20–28.
14. Giannopoulou A. Access and Reuse of Machine-Generated Data for Scientific Research / A. Giannopoulou // *Erasmus Law Review*. – 2019. – № 12 (2). – P. 155–165 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ivir.nl/publicaties/download/Erasmus_Law_Review_2019.pdf (дата обращения: 17.08.2025).

REFERENCES

1. Filatova-Bilous N. Data as a Tradeable Commodity: Propertization vs. the Concept of Exclusive Rights. *Teisé*, 2022, vol. 124, pp. 55–66. Available at: https://www.researchgate.net/publication/363982667_Data_as_a_Tradeable_Commodity_Propertization_vs_the_Concept_of_Exclusive_Rights.
2. Peter K.Yu. Fitting Machine-Generated Data into Trade Regulatory Holes. *The Trade in Knowledge: Economic, Legal and Policy Aspects*. Cambridge University Press Publ., 2020, pp. 19–28.
3. Kharitonova Yu.S. On the Issue of the Protection of the Result of Artificial Intelligence. In Afanasyev E.G. (ed.). *Law of the Future: Intellectual Property, Innovations, Internet*. Moscow, 2018. Iss. 1, pp. 52–64. (In Russian).
4. Kharitonova Yu.S. Legal Regime of Artificial Intelligence Result. In Lauts E.B. (ed.). *Modern Information Technologies and Law*. Moscow, Statut Publ., 2019, pp. 68–83. (In Russian).
5. Abramova E.N., Khamidullina E.V. Rights to Intellectual Deliverables Created with the Use of Artificial Intelligence. *Economy and Law*, 2024, no. 10, pp. 71–83. (In Russian).
6. Sesitsky E.P. Problems of Legal Protection of Results Created by Artificial Intelligence Systems. *Cand. Diss. Moscow*, 2019. 218 p.
7. Kalyatin V.O. Establishing of Subject of Rights to Intellectual Property Created with Use of Artificial Intelligence. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 24–50. (In Russian).
8. Makhrov V.V. Problems of Legal Protection of the Results of Intellectual Activity Created Using Artificial Intelligence. *Modern Lawyer*, 2025, no. 2, pp. 27–39. (In Russian).
9. Kirsanova E.E. Review of the Main Theories of Determining the Legal Regime of Objects Created by Artificial Intelligence. *Law*, 2023, no. 9, pp. 36–46. (In Russian).
10. Shakhnazarov B.A. Legal Regulation of Relations Using Artificial Intelligence. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, no. 9, pp. 63–72. (In Russian).
11. Vitko V. Analysis of Scientific Views of Authorship and Right for Results of AI Activity. *Intellectual Property. Copyright and Related Rights*, 2019, no. 3, pp. 5–22. (In Russian).
12. Zech H. Information as Property? *JIPITEC*, 2015, vol. 6, no. 3, pp. 192–205.
13. Minbaleev A., Petrovskaya O. Problems of Implementation of the Principle of Information Reliability in Conditions of Digital Transformation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2022, no. 4, pp. 20–28. (In Russian).
14. Giannopoulou A. Access and Reuse of Machine-Generated Data for Scientific Research. *Erasmus Law Review*, 2019, no. 12 (2), pp. 155–165. Available at: https://www.ivir.nl/publicaties/download/Erasmus_Law_Review_2019.pdf.
15. Leitner-Hanetseder S., Lehner O.M. AI-powered information and Big Data: Current Regulations and Ways Forward in IFRS Reporting. *Journal of Applied Accounting Research*, 2023, vol. 24 (2), pp. 282–298. Available at: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/7e972ba5-f9a6-40a4-ae8-3fdddfa71b05/content>.

15. Leitner-Hanetseder S. AI-powered information and Big Data: current regulations and ways forward in IFRS reporting / S. Leitner-Hanetseder, O.M. Lehner // *Journal of Applied Accounting Research*. – 2023. – Vol. 24 (2). – P. 282–298 [Электронный ресурс]. – URL: <https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/7e972ba5-f9a6-40a4-aea8-3fdddfa71b05/content> (дата обращения: 23.08.2025).

16. Коваль А.А. Доступ к данным в цифровой экономике: рекомендации, инициативы, перспективы / А.А. Коваль, О.С. Магомедова, А.Д. Левашенко // *Экономическая политика*. – 2022. – № 4. – С. 76–79.

17. Narayanan A. Robust de-anonymization of large sparse datasets / A. Narayanan, V. Shmatikov // *IEEE Symposium on Security and Privacy*. – 2008. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cs.princeton.edu/~arvindn/publications/de-anonymization-retrospective.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).

18. Карцхия А.А. Правовая охрана достижений искусственного интеллекта / А.А. Карцхия // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. – 2024. – № 4. – С. 4–16.

16. Koval A.A., Levashenko A.D., Magomedova O.S. Access to Data in the Digital Economy: Recommendations, Initiatives, Prospects. *Economic Policy*, 2022, no. 4, pp. 76–79. (In Russian).

17. Narayanan A., Shmatikov V. Robust De-Anonymization of Large Sparse Datasets. *IEEE Symposium on Security and Privacy*, 2008, no. 5. Available at: URL: <https://www.cs.princeton.edu/~arvindn/publications/de-anonymization-retrospective.pdf>.

18. Kartshiya A.A. Legal Protection of Achievements of Artificial Intelligence. *Intellectual property. Copyright and Related Rights*, 2024, no. 4, pp. 4–16. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архиереев Николай Викторович – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Республики Башкортостан, доцент кафедры гражданского права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkhiereev Nikolay Viktorovich – Candidate of Sciences (Law), Chairman of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan, Associate Professor of the Department of Civil Law.

Статья поступила в редакцию 01.02.2026; одобрена после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 02.03.2026. The article was submitted 01.02.2026; approved after reviewing 02.03.2026; accepted for publication 02.03.2026.